

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г34

Художественное оформление АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО
посвящается светлой памяти ВАГРИЧА БАХЧАНЯНА

В книге использованы фотографии ЗИНАИДЫ ТЕРЕНТЬЕВОЙ,
МАРИАННЫ ВОЛКОВОЙ, ВАЛЕРИЯ ПЛОТНИКОВА, ЛЬВА ПОЛЯКОВА,
НИНЫ АЛОВЕРТ, ИРИНЫ ГЕНИС и фото из личного архива автора

Генис, Александр Александрович.

- Г34 Обратный адрес : автопортрет / АЛЕКСАНДР ГЕНИС. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2019. — 444, [4] с., ил. — (Генис : автопортрет).

ISBN 978-5-17-113931-5

“Обратный адрес” — это одиссея по архипелагу памяти. На каждом острове (Луганск, Киев, Рязань, Рига, Париж, Нью-Йорк и вся Русская Америка) нас ждут предки, друзья и кумиры автора. Среди них — Петр Вайль и Сергей Довлатов, Алексей Герман и Андрей Битов, Синявский и Бахчанян, Бродский и Барышников, Толстая и Сорокин, Хвостенко и Гребенщиков, Неизвестный и Шемякин, Акунин и Чхартишвили, Комар и Мелаид, “Новый американец” и радио “Свобода”. Кочуя по своей жизни, Генис рассматривает ее сквозь витраж уникального стиля: точно, ярко, смешно — и ничего лишнего.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-113931-5

- © Генис А.А., 2016.
© Бондаренко А.Л., художественное оформление, 2019.
© ООО “Издательство АСТ”, 2019.

*Посвящается памяти моего отца
Александра Гениса-старшего*

Содержание

ЯНТАРНЫЙ ТРАКТОР

1.	ЕВБАЗ, или ТРИ СЕСТРЫ	11
2.	ЛУГАНСК, или ТЕНИ ЗАБЫТЫХ ПРЕДКОВ	22
3.	ЛУГАНСК, или ОККУПАЦИЯ	34
4.	РЯЗАНЬ, или СОБЛАЗН ПРОВИНЦИИ	46
5.	СУВОРОВА, 8, или СОСЕДИ	57
6.	ВИСВАЛЖУ, или МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ	69
7.	ЮРМАЛА, или КАНИКУЛЫ	79
8.	ЗАМОК, или БОГЕМА	90
9.	САЛАСПИЛС, или РИСУНКИ НА ПОЛЯХ	101
10.	КОЛОНИЯ ЛАПИНЯ, или О ЧЕМ МЫ ПИЛИ	111
11.	КГБ, или ГЕДОНИСТЫ	121
12.	ВОКЗАЛ, или АУТОДАФЕ	131
13.	КРЫМ, или ВДОГОНКУ НЕ НАЦЕЛУЕШЬСЯ	142
14.	ЛИМБ, или ОТКАЗНИКИ	152
15.	БРЕСТ, или ДОЛГОЕ ПРОЩАНИЕ	163

АМЕРИКА

16.	ВЕНА, или ОБМОРОК	175
17.	РИМ, или ОТ СЕБЯ НЕ УБЕЖИШЬ	185
18.	БРОДВЕЙ, или КВН	196
19.	БРУКЛИН, или В ТАМБУРЕ	206

20.	“НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО”, <i>или</i> СПИРИТИЧЕСКИЙ СЕАНС	216
21.	ПАРИЖ, <i>или</i> ПИЛИГРИМЫ	227
22.	ТАЙМС-СКВЕР, 1, <i>или</i> НОВЫЕ АМЕРИКАНЦЫ	237
23.	“НОВЫЙ АМЕРИКАНЕЦ”, <i>или</i> СКЛОКИ	248
24.	КЛОЙСТЕРС, <i>или</i> МНЕ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ	259
25.	ВЕРНИСАЖ, <i>или</i> ПРИЗРАКИ	269
26.	“СВОБОДА”, <i>или</i> РИТОРИКА	280
27.	РУССКАЯ УЛИЦА, <i>или</i> АМЕРИКАНА	290
28.	РОДИНА, <i>или</i> ПУШКИН	301
29.	РОДИНА, <i>или</i> БОРЩ	314

ТРЕТИЙ БЕРЕГ

30.	БРАЙТОН-БИЧ, <i>или</i> ГОСТИ	327
31.	МОСКВА, <i>или</i> В ГОСТЯХ	338
32.	СПБ, <i>или</i> ПОСЛЕ БАЛА	349
33.	НОЕВ КОВЧЕГ, <i>или</i> СЕМЕЙНОЕ	360
34.	ГАРЛЕМ, <i>или</i> УТРАЧЕНО В ПЕРЕВОДЕ	371
35.	НИРВАНА, <i>или</i> КРИЗИС ЗРЕЛОСТИ	381
36.	БЛИЗНЕЦЫ, <i>или</i> 9/11	392
37.	ЛОНГ-АЙЛЕНД, <i>или</i> СТАРОСТЬ	403
38.	ГЛОБУС, <i>или</i> МЕТЕМПСИХОЗ	414
39.	ЛЕС, <i>или</i> РУТИНА	426
40.	УЛИЦА ДОВЛАТОВА, <i>или</i> НЕКРОЛОГ	436

ЯНТАРНЫЙ
ТРАКТОР

ЕВБАЗ,
или
ТРИ СЕСТРЫ

1. Я привез жену в Киев, чтобы попрощаться с городом перед отъездом в Америку. — Корни, — объяснил я Ире, когда мы добрались до улицы Чкалова.

— Похоже, — сказала она, разглядывая желтый домик, по уши, как в сказке, вросший в крутую улицу.

В него можно было войти, перешагнув подоконник, но я зашел со двора. Тут всё было на месте: и хибарка сортира на горе, оказавшейся холмиком, и развесистая шелковица с уже черными плодами. Таким я все это увидел, впервые навестив бабушку. Но теперь мне никак не удавалось понять, как в этом кукольном пространстве умещался целый еврейский мир, который был моим ранним детством.

Нашей была одна комната. Когда-то в ней жили все: хозяйка-бабушка, вторая бабушка, мама с папой, брат-младенец и квартирантка с виолончелью. Спали в два этажа — и под столом, и на столе. Но

я застал относительный простор, который мы делили уже с одной бабушкой и лимонным деревцем, дававшим бледный и одинокий плод раз в год, зато зимой. Другим любимцем был колючий куст лечебного алоэ. Он служил панацеей семье, любовно лежущей свои хвори.

У меня, правда, ничего не болело, но бабушку это не останавливало. Она лечила меня от недоедания калорийной бомбой, называвшейся на том же кукольном языке “гоголь-моголь”. Желтки, какао, сахар, сливочное масло и чайная ложка считавшегося лечебным коньяка перетирались в пасту элегантного цвета беж. Поскольку этим кормили на завтрак, обед меня не интересовал. Пугаясь, бабушка удваивала дозу, и есть хотелось еще меньше, что не могло ее не тревожить.

На Чкалова вся жизнь вертелась вокруг еды, заменявшей религию и служившей ею. Рассыпавшаяся под ударами светской истории и давлением державного атеизма старая вера сохранилась только за столом, где все праздники — от Пейсаха до Седьмого ноября — отмечались одинаково: фаршированной рыбой, к которой подавалась заткнутая газетой давно початая бутылка с настойкой на лимонной корочке.

За окном открывалась киевская жизнь. Из вечно мокрой Риги она казалась южной и красноречивой. Бабушка всех знала и проводила время в разговорах, высунувшись по пояс из окна. Через него шла торговля съестным. Лучшее всего была бледно-

розовая земляника с дурманящим ароматом. Ее продавали стаканами и ели со сметаной, отчего обед меня привлекал еще меньше. Обычно он был связан с курами. С базара их приносили живыми к соседу-шойхету. Престарелый резник уносил жертву в свою камеру и выносил обратно обезглавленный труп. Я уже понимал, что казнь имела отношение к Богу, но еще не знал — к какому, предпочитая гоголь-моголь и землянику.

Напротив палача жила богатая Сима: у нее был ковер. Муж Симы служил билетером в Народном театре, что открывало не понятное мне (но не ему) щедрое поле для коррупции. Во всяком случае, в их комнате был свой сортир, пока остальные пользовались нужником во дворе.

Симу, конечно, недолюбливали. Впрочем, в этом доме, переполненном, как трюм корабля с эмигрантами, трудно было не ссориться, чаще всего — на заставленной керогазами кухне. В канун праздников она становилась полем боя. Хозяйки сталкивались лбами, готовя фаршированную рыбу из карпов, плескавшихся у всех под ногами в жестяных тазах. (Потомки скотоводов, евреи любили пищу свежей, желательнее — живой.)

Многим позже я видел нечто подобное у Босха и Германа. Теснота, возведенная в квадрат, взламывала социальные молекулы, вынуждая к телесному общению на следующем, атомарном уровне. Кажется, так устроена ядерная бомба, но тогда я о ней еще не знал. У меня не было букваря. Он полагался только

первоклассникам, а до них мне было еще невыносимо далеко — года полтора. Читать я учился по вывескам, когда меня водили гулять.

Чкалова напоминала горное ущелье. Во-первых, я был маленьким, во-вторых, в Латвии нет гор, только дюны, в-третьих, улица и впрямь крутая. В ливень по ней катился мутный вал с пеной окурков. Однажды он сшиб меня с ног и вынес в громадную лужу на площади Победы. В ясную погоду мы ходили на нее есть истерически вкусные кавказские огурчики. На площади всегда шла стройка. Посередине воздвигали цирк, на углу — кинотеатр. Его еще строили, а вывеска уже горела. Она стала первым словом, которое я прочел сам. Оно было украинским: “Перемога”. На самом деле все это называлось “Евбаз”, и я даже не подозревал в нем аббревиатуру.

2. Я хотел, чтобы отец назвал свои мемуары “Евбаз”, но он, не слушая моих советов, как, впрочем, и я — его, гордо вывел на переплете скоросшивателя “*Mein Kampf*”. Со временем в нем собралось 900 страниц. После смерти отца она стала моей родовой книгой, и я заглядываю в нее каждый раз, когда хочу освежить рецепт или набраться мужества.

Отец никогда ни о чем не жалел. В рассказе Гайдара “Торячий камень”, с которым я познакомился в букваре, когда наконец до него добрался, мальчик находит волшебный валун, возвращающий молодость

каждому, кто на него сядет. Школьник, нашедший Горячий камень, отказался от этой перспективы, не желая заново остаться на второй год в первом классе. Тогда он привел к камню израненного красноармейца, но и тот решил не отдавать искалечившую его боевую юность.

— Ты бы сел на Горячий камень? — спрашиваю я всех, кто подвернется.

— Ни за что, — с ужасом отвечают мне.

Что и не удивительно. Кант говорил, что никто не согласился бы родиться, зная, что нас ждет. Только отец, ни на секунду не задумавшись, спросил: “Где твой камень?” Я не знал к нему дороги, и отец вернулся обычным путем — мемуарами.

Исходной точкой в них был Еврейский базар, вокруг которого жил и кормился весь иудейский рукав моей семьи. В описании отца Евбаз напоминал “Сорочинскую ярмарку”. На нем торговали всем, что покупалось, и каждый товар считался нелегальным, ибо незаконной была сама частная торговля. Другой, однако, почти не было, и власти ограничивались поборами. Восторг у отца вызывало съестное. Роняя слюну на страницу, он вспоминал деревенских баб, усевшихся ватными задами на ведрах с огненным борщом — чтоб не остыл.

— Вкуснее, — заключал отец, — не было и не будет.

Мемуары отца переполнены лакомствами, что прекрасно иллюстрировало его мировоззрение. Отец искренне не понимал, как можно винить мир